

А. И. БАЛАБАНОВА

Моя жизнь — борьба

<Фрагменты>

<...> У Ленина не было никаких внешних черт, которые заставляли бы выделять его среди революционеров его времени. На самом деле из всех русских революционных вождей он внешне казался самым бесцветным. Его выступления в то время также не произвели на меня никакого впечатления ни своей манерой подачи, ни своим содержанием. Троцкий, с которым я познакомилась позднее, был гораздо более яркой фигурой и эффектным оратором, хотя некоторые его манеры и его самоуверенность вообще временами меня раздражали. <...>

<...>

Во время обсуждения этого вопроса¹ Троцкий был особенно враждебно и агрессивно настроен по отношению к примиренческой позиции и заходил гораздо дальше в своих нападках на нее, чем большевики, которые внутри Циммервальдского движения всегда составляли левое крыло, тогда как Троцкий представлял центр.

Этот психологический нюанс со стороны Троцкого позабавил меня, и, когда мы с Лениным уходили с заседания, на котором остальные делегаты были все еще заняты обсуждением, я спросила его:

— Скажите мне, Владимир Ильич, в чем разница между большевиками и Троцким? Почему он держится в стороне от вашей группы и создает другой документ?

Ленин казался и удивленным и раздосадованным моей наивностью, возможно, потому, что он подозревал, что я пытаюсь поддразнить его.

— Вы что же, не знаете? — резко ответил он. — Амбиции, амбиции, амбиции!

В течение этих недель со времени моего возвращения в Россию я встречалась с Троцким довольно часто, так как он, подобно мне, еще не был членом ни одной из главенствующих социал-демократических фракций. И хотя он когда-то был связан с меньшевиками, с тех пор он основал новую, свою, фракцию. В это время он стоял обособленно и от большевиков, и от меньшевиков, которые возвратились в Россию раньше его. Его поездка из Соединенных Штатов, где он во время революции работал в русской газете, была прервана кратким интернированием в Канаду, и после проволочек, которые не давали ему сыграть свою роль в решающих событиях тех первых месяцев, он прибыл в Петроград в дурном расположении духа. И хотя он присоединился в августе к большевикам, когда между этой партией и некоторыми более мелкими революционными группами произошло слияние, в то время он все еще принадлежал к независимой группе, которая ставила своей целью объединение всех марксистов-интернационалистов и недавно стала выпускать в Петрограде газету². И большевики, и меньшевики относились к нему с затаенной враждой и недоверием, возможно памятуя об острой полемике, которую он вел против них в прошлом, и отчасти, несомненно, из страха перед соперничеством с таким ярким писателем и оратором. Более чем любая другая фигура в русской революции, Троцкий оказался способным поднимать массы силой своего революционного темперамента и блестящего ума. Но он не вызывал личных симпатий, или если и вызывал, то не мог долго удерживать их, особенно в близких отношениях среди друзей и товарищей. Его высокомерие было равно его талантам и способностям, а его манера проявлять его в личных отношениях часто создавала дистанцию между ним и людьми из его окружения, которая исключала и личную теплоту, и какое бы то ни было чувство равенства и сотрудничества.

В то время Троцкий был особенно резок, потому что он полагал, что его политические противники, чтобы держать его подальше от политической арены в России как можно дольше, не оказали достаточного влияния на власти союзников, которые держали его в заключении. Его трактовка казалась мне тогда неправдоподобной, но, получив впоследствии опыт общения

с большевиками, я уже не так была уверена в невозможности этого. Большевики проявляли по отношению к Троцкому столько же ненависти, сколько и он питал к ним. И из-за его изоляции и того, как она повлияла на него, и из-за того, что мы с ним оба лелеяли надежду на объединение всех марксистов-интернационалистов, мы довольно часто встречались с ним в то время. Когда же события Октябрьской революции поглотили это объединительное движение, он отказался от этой идеи, выразив свое отрицание еще более резко, чем Ленин. На протяжении всей остальной своей карьеры Троцкому приходилось всячески стараться доказать, что он верный большевик и истинный ленинец.

<...>

Трагическая судьба самого Троцкого проиллюстрировала все то, что я ощущала и думала о своей неспособности как работать, так и соперничать с вождями Коминтерна на их территории. Если бы после укрепления Советской республики и начала фракционной борьбы против него, после решения Центрального комитета о том, что настала пора снизить популярность и самоуверенность бывшего меньшевика, Троцкий показал свое собственное превосходство перед лицемерием его соперников, отказавшись использовать их методы, то насколько другой могла бы быть его судьба! Велика вероятность того, что, когда настал момент разочарования в бюрократии, он стал бы вождем революционного рабочего движения во всем мире и авторитет и число его последователей были бы во много раз больше, чем сейчас. Если бы с самого начала он защищал демократию в партии, боролся бы с подавлением открытого несогласия, с клеветой политических противников посредством партийной машины, насколько больше симпатий и солидарности он нашел бы в России с первого дня своих гонений до самой последней скандальной кампании против него!

Но чтобы последовательно осуждать эти методы, Троцкому следовало бы бороться с ними с самого начала, когда он обладал самой большой властью, когда он был частью бюрократии и когда сами русские были убеждены, что страну нельзя спасти без него. Наверное, он не смог бы искоренить эту болезнь — она была присуща самой природе большевизма, — но он смог бы избежать некоторых ее самых чудовищных проявлений. Он мог бы выражать свой протест с гораздо большим успехом —

и разбудить в других этот протест! — когда он сам стал жертвой. Но сам Троцкий после 1917 года был не только настоящим большевиком, стопроцентным «ленинцем», он также был слишком слабым и слишком робким, чтобы вести такую борьбу, будучи еще частью правящей клики.

«Слишком слабый»? Как я могу использовать это слово в характеристике человека, которого я считаю одним из самых могучих интеллектуалов нашего времени, который сделал для России то, что ни один современный государственный деятель не сделал для своей страны (потому что ни одному государственному деятелю не приходилось работать, разрушать и перестраивать в таких сложных и беспрецедентных условиях), который смотрел в лицо опасности и смерти без колебаний, героически вынес преследования беспрецедентного масштаба?

И все же есть разные способы быть смелым или, скорее, равнодушным к тому, что может произойти. Человек может бросить вызов смерти, но может оказаться неспособным вынести позор или угрозу своей популярности. Так было — и так оно есть и сейчас — в случае с Троцким. Он был достаточно смел в отношениях с Лениным и мог встретиться лицом к лицу с враждебным мнением всего мира. Но он не был в достаточной степени независим, чтобы бороться с этими тенденциями, воплощенными в ленинской марионетке Зиновьеве, или чтобы отказаться от альянса с Зиновьевым даже после того, когда последний первым капитулировал и стал марионеткой Сталина. Он боялся, что о нем будут думать, что он меньше революционер, чем те, кто нападали на него, а в области демагогии и политической дальновидности ему не был равен ни Зиновьев, ни Сталин, ни весь партийный аппарат.

Этот страх, что его будут подозревать в том, что он не полностью отрекся от своего первоначального греха — меньшевизма, — и его безграничная уверенность в себе постоянно ложились, как тень, между этим замечательным человеком и ситуациями, которые касались лично его, так что ему не удалось применить к своему собственному развитию критерии, применяемые им к другим людям. Как будто история, логика и законы причинных связей, которые он понимал и с которыми так хорошо умел обращаться, вдруг резко остановились перед силой его собственной личности. Такое положение, безусловно, было вызвано его

непревзойденным успехом в первые годы революции, ошеломляющей популярностью, которой он пользовался. В те дни он был так уверен в том, что, какова бы ни была судьба других, каковы бы ни были опасности для популярности и успеха, — для него, Льва Троцкого, жизнь сделает исключение. Но вместо этого он стал самой главной жертвой извращения революции!

<...>

